

Каеѣдра исторіи русскаго языка и словесности въ Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ съ 1805 по 1905 годъ.

Исполнившееся 17 января текущаго года столѣтіе Императорскаго Харьковскаго Университета естественно привлекаетъ вниманіе къ его прошлому, и естественно возникаетъ потребность сдѣлать хотя бы приблизительные подсчеты его ученой работы, его вліянія и культурнаго значенія, какъ въ дѣлѣ общаго развитія науки, такъ и въ отношеніи ея мѣстныхъ частныхъ примѣненій и ея развитія въ условіяхъ мѣстной жизни, по отдѣльнымъ каеѣдрамъ, въ трудахъ отдѣльныхъ профессоровъ и преподавателей, чтобы выяснитъ долю работы каждаго, воздать должное лучшему прошлому и съ благодарностью сохранить хорошія традиціи для лучшаго будущаго.

Долгое время въ русскихъ университетахъ каеѣдра исторіи русскаго языка и литературы представляла генетическое продолженіе старой риторики и піитики. Въ официальной терминологіи она называлась каеѣдрой Россійскаго краснорѣчія. Первые ея представители въ Харьковскомъ университетѣ до 50-хъ годовъ смотрѣли на себя, какъ на ораторовъ или поэтовъ, по долгу службы, и почти все свое вниманіе сосредоточивали на разработкѣ стиля. Высшей цѣлью была хорошая торжественная

рѣчь, и къ этой цѣли главнымъ образомъ стремилось университетское преподаваніе. Харьковскій университетъ слѣдовалъ за общимъ научнымъ теченіемъ; въ первое полустолѣтіе въ немъ господствовала риторика, во второмъ—историческое изложеніе.

Если не считать двухъ адъюнктовъ, Гонорскаго и Золотарева, дѣйствовавшихъ короткое время, изъ которыхъ одинъ — Гонорскій, человѣкъ способный и образованный, умеръ въ молодыхъ лѣтахъ, а другой—Золотаревъ, весьма мало проявившій себя, былъ переведенъ въ Новочеркасскъ директоромъ гимназій, то профессура по кафедрѣ исторіи русскаго языка и литературы состояла изъ слѣдующихъ покойныхъ профессоровъ—Рижскаго, Срезневскаго (Ив.), Склабовскаго, Борзенкова, Якимова, Костыря, Метлинскаго, Ник. Лавровскаго и Потебни¹⁾. За исключеніемъ одного адъюнкта Склабовскаго, бывшаго въ харьковскомъ университетѣ короткое время, но, несомнѣнно, выдававшегося талантами и знаніями, всѣ остальные были полноправными профессорами, занимали въ Харьковскомъ университетѣ видное мѣсто въ теченіе многихъ лѣтъ и принимали, кромѣ чтенія лекцій, участіе въ дѣятельности факультета и совѣта.

Первое условіе для необходимаго развитія дѣятельности заключается въ продолжительности жизни. Судьба была въ этомъ отношеніи скупа къ профессорамъ словесникамъ. Гонорскій скончался 28 лѣтъ, Костырь — 35 лѣтъ, Склабовскій 38 лѣтъ, Срезневскій, Борзенковъ и Якимовъ 51 года, Рижскій 52 лѣтъ, Метлинскій и Потебня 56 лѣтъ и лишь одинъ Лавровскій добрался до 70 лѣтъ. Въ среднемъ на каждого пришлось около 50 лѣтъ — срокъ малый, и это обстоятельство тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что большая часть профессоровъ словесниковъ происходила изъ духовенства,—сословія, какъ извѣстно, наиболѣе здороваго и долговѣчнаго. Такъ, отъ родителей духовнаго званія были профессора Рижскій, Срезневскій, Борзенковъ,

1) Далѣе слѣдуютъ нынѣ дѣйствующіе профессора Н. Ѳ. Сумцовъ, М. Е. Халаевскій и А. П. Кадлубовскій.

Склабовскій, Якимовъ, Лавровскій. Нужно думать, что главными причинами такой недолговѣчности были плохія гигиеническія условія г. Харькова и тяжелыя условія служебной дѣятельности, въ видѣ умственного труда и нервнаго напряженія, связаннаго съ экзаменами, диспутами, разными недочетами въ личныхъ отношеніяхъ, въ недостаткѣ освѣжающихъ и укрѣпляющихъ вліяній со стороны. Достаточно сказать, что въ 40-хъ годахъ совсѣмъ больнымъ профессорамъ не былъ даваемъ отпускъ за границу для лѣченія.

При оцѣнкѣ труда покойныхъ профессоровъ нужно принимать также число лѣтъ, ушедшихъ на службу и работу собственно въ харьковскомъ университетѣ. Рижскій отдалъ харьковскому университету около 7 лѣтъ, Срезневскій 9 лѣтъ, Склабовскій всего 2 года, Борзенковъ около 20 лѣтъ, Якимовъ 25 лѣтъ, Костырѣ 3 года, Метлинскій около 14 лѣтъ, Лавровскій 23 года, Потебня 30 лѣтъ. Какъ ни формальны эти цифры, но ихъ нужно имѣть въ виду, при оцѣнкѣ того, что сдѣлалъ и предположительно еще могъ сдѣлать ученый. Если сопоставить, напримѣръ, блестящую и плодovitую двухлѣтнюю дѣятельность Склабовскаго съ скудной и безцвѣтной 25-тилѣтней службой его преемника Якимова, то значеніе личнаго таланта, знаній, энергіи ярко выдѣляется на общемъ фонѣ исторической оцѣнки дѣятелей каѳедры. Выдающаяся ученая дѣятельность Н. Лавровскаго принадлежитъ большей частью Харьковскому университету, а Потебня уже всецѣло входитъ въ исторію Харьковскаго университета, и по подготовкѣ, и по всей службѣ. Кромѣ Потебни, къ числу питомцевъ Харьковскаго университета относятся еще Борзенковъ, Склабовскій, Якимовъ и Метлинскій. Тутъ были вліянія мѣстной высшей школы, и нѣкоторая ученая зависимость въ послѣдовательности нисходящихъ поколѣній, въ смыслѣ, напримѣръ, ученаго вліянія Рижскаго и Борзенкова на Склабовскаго, Метлинскаго на Потебню.